

ранее остававшихся вне его поля зрения, радикально изменили наше представление о самом происхождении древнерусской литературы и о преобладающем ее характере.

Два тезиса прочно утвердились у дореволюционных историков древнерусской литературы: 1) русская литература возникла в XI в. под влиянием византийско-славянских образцов; 2) в течение XI—XVI вв. литература носила преимущественно религиозный характер и только в XVII в. началось ее „обмирщение“. Когда советские литературоведы широко вовлекли в круг своего изучения богатейший и разнообразный материал летописей и исторических повестей и подошли к этому материалу как к своеобразному литературному творчеству, — оба тезиса оказались неверными.

Согласованная работа историков и литературоведов над летописями показала, что не религиозно-дидактическая литература (в самом деле возникшая по образцу переводной), а историческое повествование в его многообразных разветвлениях представляет собой действительное начало русской литературы, что это начало вышло из глубоких народных корней, чем именно и обусловлено своеобразие литературной формы и мировоззрения первых русских писателей-историков; что воздействие на исторический стиль византийских исторических сочинений было явлением вторичным, гораздо более слабым, чем это представлялось раньше, притом и сказалось оно по преимуществу в XV—XVI вв., а не в период зарождения русской литературы.

Поставив в центре внимания исторические жанры, лишь в очень ограниченном количестве включавшиеся в историю литературы в дооктябрьский период, советские литературоведы опровергли и второй тезис своих предшественников: в свете нового материала и новой точки зрения на него стало ясно, что не религиозно-дидактическая, а историческая тема характеризует русскую литературу с ее начала почти до середины XVII в.; что эта тема проникает и в собственно религиозные жанры, нередко оттесняя на второй план их непосредственно религиозно-дидактические задачи. Религиозный жанр часто оказывается лишь специфичной для средневековья формой выражения все той же исторической темы. Такое перемещение внимания на иные группы памятников, вовлечение в исследование новых типов исторического повествования и истолкование всего этого материала с позиций марксистско-ленинского метода сказались не только в трудах отдельных исследователей, но оно определило и характер нового опыта обобщения, сделанного в первых двух томах „Истории русской литературы“ коллективом специалистов, организованным сектором древнерусской литературы Института литературы АН СССР. Этот опыт завершал собою определенный этап в развитии нашей науки и вместе с тем своими проблемами и ошибками показывал путь ее дальнейшего движения.

Круг изучаемых советскими литературоведами памятников древнерусской литературы расширился не только за счет исторических жанров.